

МЕСТО ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ СУДОВ В МЕХАНИЗМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА)

Е. М. Шайхутдинов^{1,2}, *shaikhutdinovem@susu.ru*

¹Арбитражный суд Челябинской области, Челябинск, Россия

²Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

Аннотация. В статье формулируются понятия правового регулирования и механизма правового регулирования, высказывается мнение о регулятивном характере выводов, выработанных судебной практикой. Кратко раскрывается теория правоположений, обозначается природа правовых позиций судов. Высказывается мнение о существенном значении системы аргументов, обосновывающей содержание правовой позиции. Анализируются правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по делам о несостоятельности (банкротстве) граждан, в частности о возможности обращения взыскания на «роскошное» жилье при условии предоставления замещающего жилья (постановление от 14 мая 2012 г. № 11-П), а также о необходимости соблюдать гарантии прав участников долевой собственности (правило о преимущественном праве покупки, которое может быть реализовано до начала публичных торгов) при продаже на торгах доли в праве общей собственности на жилое помещение и земельный участок, на котором оно расположено (постановление от 16 мая 2023 г. № 23-П).

Ключевые слова: механизм правового регулирования, правоположения, правовые позиции судов, банкротство, банкротство граждан, роскошное жилье, право преимущественной покупки.

Для цитирования: Шайхутдинов Е. М. Место правовых позиций судов в механизме правового регулирования несостоятельности (банкротства) // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2024. Т. 24, № 1. С. 56–61. DOI: 10.14529/law240110.

Original article
DOI: 10.14529/law240110

THE PLACE OF LEGAL POSITIONS OF COURTS IN THE MECHANISM OF LEGAL REGULATION OF INSOLVENCY (BANKRUPTCY)

E. M. Shaykhutdinov^{1,2}, *shaikhutdinovem@susu.ru*

¹Arbitration Court of the Chelyabinsk region, Chelyabinsk, Russia

²South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

Abstract. The article formulates the concepts of legal regulation and the mechanism of legal regulation, expresses an opinion on the regulatory nature of the conclusions drawn up by judicial practice. The theory of legal principles is briefly revealed, the nature of the legal positions of the courts is indicated. The opinion is expressed about the essential importance of the system of arguments justifying the content of the legal position. The article analyzes the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation in cases of insolvency (bankruptcy) of citizens, in particular, on the possibility of foreclosure on "luxury" housing, provided that replacement housing is provided (Resolution No. 11-P of 14.05.2012), and also about the need to comply with the guarantees of the rights of participants in shared ownership (the rule on the pre-emptive right of purchase, which can be realized before the start of public auctions) when selling at auction a share in the right of common ownership of a dwelling and the land plot on which it is located (Resolution No. 23-P of 16.05.2023).

Keywords: mechanism of legal regulation, legal provisions, legal positions of courts, bankruptcy, bankruptcy of citizens, luxury housing, right of preferential purchase.

For citation: Shaykhutdinov E. M. The place of legal positions of courts in the mechanism of legal regulation of insolvency (bankruptcy). *Bulletin of the South Ural State University. Series "Law"*. 2024. vol. 24. no. 1. pp. 56–61. (in Russ.) DOI: 10.14529/law240110.

В научной литературе отмечается, что концепция такого правового явления, как правовое регулирование, до настоящего времени окончательно не выработана [3, с. 112]. Существует значительное количество общетеоретических и отраслевых исследований на эту тему, не всегда учитывающих друг друга. В целом можно констатировать, что понятие правового регулирования зависит от принятой исследователем концепции правопонимания [2, с. 383–398].

Не вдаваясь в дискуссию, в качестве рабочего варианта будем использовать определение *правового регулирования* как целенаправленного воздействия на общественные отношения (поведение людей) с помощью имеющихся правовых средств, а определение *механизма правового регулирования* как единой функционирующей системы правовых (юридических) средств, обеспечивающих процесс правового регулирования [6].

Видится очевидным, что основным средством правового регулирования являются нормы и принципы права, но вместе с тем в практике правоприменения заметное регулятивное значение имеют обобщенные выводы, выработанные судебной практикой.

Следует отметить, что еще в 70-е гг. прошлого века в советской юридической науке получила распространение теория так называемых «правоположений», под которыми общепризнанно понимались выработанные практикой и ею воспринятые *положения*, содержащие образцовые правила, разрешающие конкретные споры с соответствующей и достаточно убедительной правовой аргументацией, официально опубликованные (лишь в этом случае являющиеся обязательными), в силу чего приобретающие общий и нормативный характер для широких кругов правоприменителей [5, с. 5–6].

Однако учение о правоположениях особого развития не получило, кроме того, законодательно термин закреплен не был, в судебной практике признания не получил.

Напротив, в науке, законодательстве и судебной практике устойчивое место заняла

категория «правовая позиция». Сам термин «правовая позиция» относительно новый, вероятно, впервые он был закреплен в Федеральном конституционном законе от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», при этом доктринальное обоснование получил только в 2000-х гг. [4].

В настоящее время, кроме вышеназванного закона, «правовые позиции» признают как минимум, ГПК РФ (п. 5 ч. 4 ст. 392), КАС РФ (п. 3 ч. 3 ст. 310) и косвенно АПК РФ (п. 5 ч. 3 ст. 311), допуская возможность формулирования правовых позиций как в актах Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ), так и в постановлениях Пленума и Президиума Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ). Интересно, что в Федеральном конституционном законе от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» термин «правовая позиция» не используется. В силу п. 1 ч. 3 ст. 5 данного закона Пленум Верховного Суда Российской Федерации рассматривает материалы анализа и обобщения судебной практики и дает судам разъяснения по вопросам судебной практики в целях обеспечения единообразного применения законодательства Российской Федерации, согласно п. 7 ч. 1 ст. 7 Президиум Верховного Суда Российской Федерации рассматривает отдельные вопросы судебной практики.

Действующие положения ч. 4 ст. 198 ГПК РФ, ч. 4 ст. 170 АПК РФ, п. 4 ч. 4 ст. 180 КАС РФ фактически возможности ВС РФ по формулированию правовых позиций существенно расширяют, допуская в мотивировочной части решения ссылки на обзоры судебной практики ВС РФ, утвержденные Президиумом ВС РФ. Часть 4 ст. 170 АПК РФ также допускает возможность ссылаться при мотивировании решений на сохранившие силу постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации и постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации.

Более того, в практике ВС РФ нередко встречаются ссылки на правовые позиции, сформулированные в определениях судебных коллегий (см., например, определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 25 мая 2023 г. № 305-ЭС22-25840 по делу № А40-315186/2019).

В современной юридической литературе нет единого мнения по вопросу о том, что понимать под правовой позицией, в том числе под правовой позицией суда вообще и КС РФ в частности, однако анализ имеющихся литературных источников показывает, что в большинстве случаев ее традиционно связывают с правоприменительным решением (чаще всего судебным) и понимают как систему аргументов мотивационного характера при вынесении окончательного решения [1]. При этом представляется важным, что собственно регулятивное значение имеет сформулированный соответствующим судом общий вывод, система же аргументов позволяет обозначить границы применения правовой позиции.

Регулятивная роль правовых позиций судов в настоящее время наиболее заметно раскрывается в сфере несостоятельности (банкротства).

1. Так, Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) за 21 год своего действия «пережил» более 140 изменений и дополнений. Вместе с тем многие существенные его недостатки (пробелы) федеральным законодателем не устраняются.

Например, в п. 3 ст. 213.25 Закона о банкротстве предусмотрена возможность исключения из конкурсной массы имущества, на которое не может быть обращено взыскание в соответствии с гражданским процессуальным законодательством.

Частью 1 ст. 446 ГПК РФ установлено, что взыскание по исполнительным документам не может быть обращено на принадлежащее гражданину-должнику на праве собственности жилое помещение (его часть), если для гражданина-должника и членов его семьи, совместно проживающих в принадлежащем помещении, оно является единственным пригодным для постоянного проживания помещением (кроме случая ипотеки).

Как разъяснено в п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 48 «О некоторых вопросах, связан-

ных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан», исполнительский иммунитет в отношении единственного пригодного для постоянного проживания жилого помещения, не обремененного ипотекой, действует и в ситуации банкротства должника.

Вместе с тем в Законе о банкротстве до настоящего времени не урегулирован достаточно распространенный случай наличия у должника *единственного* жилого помещения, которое по своим характеристикам *вызывает сомнения в его соответствии разумным потребностям* должника и членов его семьи (так называемое роскошное жилье). Хотя еще в 2012 году КС РФ вынес известное постановление от 14 мая 2012 г. № 11-П, в котором указал, что имущественный (исполнительский) иммунитет в отношении принадлежащего гражданину-должнику на праве собственности жилого помещения (его частей) – в целях реализации конституционного принципа соразмерности при обеспечении защиты прав и законных интересов кредитора (взыскателя) и гражданина-должника как участников исполнительного производства – *должен распространяться* на жилое помещение, которое по своим *объективным характеристикам (параметрам) является разумно достаточным* для удовлетворения конституционно значимой потребности в жилище как необходимом средстве жизнеобеспечения. Данным постановлением на федерального законодателя была возложена обязанность, внести необходимые изменения в гражданское процессуальное законодательство, регулирующие пределы действия имущественного (исполнительского) иммунитета применительно к единственному жилому помещению должника.

Соответствующие законопроекты подготавливались дважды: группой депутатов в 2012 году и Министерством юстиции РФ в 2016 году. Первый законопроект был снят с обсуждения, второй – вообще не был подан в Государственную Думу РФ. То есть до настоящего времени решение КС РФ в указанной части не исполнено.

В 2021 году КС РФ вновь обратился к названной проблеме, но уже непосредственно «сквозь призму» законодательства о банкротстве.

В постановлении КС РФ от 26 апреля 2021 г. № 15-П рассмотрена возникшая при

рассмотрении дела о банкротстве гражданина ситуация, в которой суды не согласились с утверждением кредитора о возможности обращения взыскания на квартиру площадью 110,3 кв. м, которую должник приобрел в 2009 году за сумму, намного превышающую размер его долга перед заявителем, уже после вынесения судом решения о его взыскании и возбуждения в 2006 году исполнительного производства.

КС РФ указал, что положения абз. 2 ч. 1 ст. 446 ГПК РФ и п. 3 ст. 213.25 Закона о банкротстве не могут быть нормативно-правовым основанием *безусловного отказа в обращении взыскания на жилые помещения* (их части), предусмотренные этими законоположениями, если суд считает необоснованным применение исполнительского иммунитета, в том числе при несостоятельности (банкротстве) гражданина-должника.

В рассматриваемом постановлении отказ в применении исполнительского иммунитета в отношении единственного жилья гражданина-должника КС РФ ограничивает только необходимостью предоставления (сохранения) гражданину жилища, пригодного для проживания должника и членов его семьи, соответствующего следующим требованиям:

– площадь предоставленного жилого помещения взамен имевшегося должна быть, по крайней мере, не меньшей, чем по нормам предоставления жилья на условиях социального найма;

– жилье должно быть предоставлено в пределах того же поселения, где эти лица проживают (кроме случая согласия должника с изменением места жительства (поселения)).

Кроме того, при необходимости рыночная стоимость имевшегося жилого помещения должна быть соотносима с величиной долга, погашение которого в существенной части могло бы обеспечить обращение взыскания на жилое помещение.

Учитывая, что необходимое регулирование отсутствовало в Законе о банкротстве изначально, при этом соответствующие изменения в федеральное законодательство до сих пор не внесены (в частности, правила обмена роскошного жилья на необходимое не выработаны, критерии определения того и другого не закреплены), можно констатировать, что КС РФ в условиях отсутствия необходимого надлежащего правового регулирования фактически сам его осуществил, установив ис-

ключение из правила абз. 2 ч. 1 ст. 446 ГПК РФ об исполнительском иммунитете единственного жилья, применимое к должникам-банкротам.

2. Важно, что хотя собственно регулятивное значение имеет сформулированный соответствующим судом общий вывод, а система же аргументов позволяет лишь обозначить границы применения правовой позиции, неточность, противоречивость или неполнота аргументации может привести к неопределенности и при применении соответствующего вывода.

Хорошим примером может послужить относительно недавняя правовая позиция КС РФ, сформулированная в постановлении от 16 мая 2023 г. № 23-П (далее – Постановление 23-П), согласно которой, если кратко, продажа на торгах доли в праве общей собственности *на жилое помещение и земельный участок, на котором оно расположено*, в рамках процедуры банкротства гражданина осуществляется с применением гарантий прав участников долевого собственности, то есть *с соблюдением правила о преимущественном праве* покупки, которое может быть реализовано до начала публичных торгов.

Буквальная формулировка приведенной позиции предполагает ее распространение на случаи продажи на торгах в деле о банкротстве гражданина доли в праве общей собственности *на жилое помещение и соответствующий земельный участок*. Однако содержащаяся в постановлении КС РФ в обоснование вывода система аргументов не исключает возможность другого истолкования.

Так, в п. 2.2 Постановления 23-П КС РФ раскрывает смысл ст. 250, 255 ГК РФ, указывая, что доля в праве общей собственности на имущество, *в том числе* на недвижимое имущество, передается на публичные торги только после того, как сособственники (остальные участники общей собственности) отказались от своего преимущественного права покупки.

В п. 3.3 Постановления 23-П КС РФ констатирует неполноту *общего правила* реализации имущества гражданина-должника, признанного банкротом, (п. 3 ст. 213.26 Закона о банкротстве), в отношении имущества, принадлежащего ему на праве общей долевой собственности с супругом (бывшим супругом) после раздела совместно нажитого имущества супругов (выдела из него доли), которое не предусматривает каких-либо особенно-

стей регулирования, которые позволили бы *во всех случаях* во исполнение предписаний ст. 255 ГК РФ передавать долю в праве собственности на имущество должника на публичные торги только после того, как сособственник этого имущества отказался от своего преимущественного права покупки, за исключением права супруга (бывшего супруга) участвовать в деле о банкротстве гражданина при решении вопросов, связанных с реализацией общего имущества. Равным образом, указывает КС РФ, как не предусмотрена и возможность реализации преимущественного права покупки для иных сособственников – родственников гражданина-должника, в том числе детей, родителей и др.

В п. 4 Постановления 23-П КС РФ указывает на отсутствие необходимой и достаточной определенности действующего нормативного регулирования в вопросе установления специальных гарантий интересов сособственников в связи с реализацией доли в праве собственности на торгах в процедуре реализации имущества в рамках дела о банкротстве гражданина. Возможность сохранения преимущественного права покупки за субъектами, интерес которых обусловлен теми же причинами (сохранение целостности объекта имущественного права и пр.), юридически не обеспечена.

А в п. 5 постановления 23-П КС РФ прописывает механизм обеспечения названного преимущественного права – при продаже с публичных торгов доли в праве общей собственности, принадлежащей должнику, конкурсный управляющий направляет другим участникам долевого собственности предложение приобрести принадлежащую должнику долю с указанием ее стоимости, равной начальной цене на торгах. При наличии согласия конкурсный управляющий заключает договор купли-продажи с соответствующим участником (участниками) долевого собственности. При неполучении согласия в течение месячного срока доля в праве общей собственности, принадлежащая должнику, продается с торгов.

Приведенные аргументы, изложенные в Постановлении 23-П, конечно представляют собой лишь часть мотивировки правовой позиции КС РФ, однако *общий универсальный характер этих аргументов* и их не относимость непосредственно к обстоятельствам дела (жилому помещению) привели к распро-

странению в судебной практике более широкого понимания рассматриваемой правовой позиции, позволяющего признавать наличие у участника долевого собственности права преимущественной покупки доли не только в отношении жилого помещения и земельного участка, на котором оно расположено, но и в отношении другого имущества.

В частности, на данный момент в судебной практике можно выявить случаи применения данной позиции в том числе к долевого собственности: на доли участников общества с ограниченной ответственностью (постановление Арбитражного суда Уральского округа от 19 октября 2023 г. № Ф09-4864/20 по делу № А60-56288/2019), на нежилое здание и соответствующий земельный участок (постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10 ноября 2023 г. № 17АП-1716/2017(13)-АК по делу № А60-40885/2016), на земельный участок сельскохозяйственного назначения (определение Верховного Суда РФ от 29 июня 2023 г. № 305-ЭС20-19572(4) по делу № А40-9063/2017).

Например, определением суда утверждено положение о порядке, сроках и условиях продажи имущества должника, согласно которому на торги выставлено имущество – доли в праве на земельные участки и сооружения. Должник обратился в суд с заявлением о разрешении разногласий с финансовым управляющим и кредиторами о порядке, условиях и о сроках реализации имущества должника, в котором со ссылкой на Постановление 23-П указал на необходимость остановить торги и предложить до начала проведения торгов другим участникам общей собственности выкупить долю должника по начальной цене торгов.

Судом доводы должника признаны обоснованными, торги приостановлены, на финансового управляющего возложены соответствующие обязанности (определение Арбитражного суда города Москвы от 9 августа 2023 г. по делу № А40-143537/17-88-200 «Ф»). Постановлением суда апелляционной инстанции определение суда первой инстанции оставлено без изменения (постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 26 ноября 2023 г. № 09АП-61569/2023 по делу № А40-145641/2017).

В заключение отметим, что регулятивная роль правовых позиций – это, скорее, исключение из правил, вынужденная мера в ситуа-

ции правовой неопределенности, которая должна носить временный характер и ориентиро-

вать законодателя на оперативную корректировку соответствующего законодательства.

Список источников

1. Власенко Н. А. Правовые позиции: понятие и виды // Журнал российского права. 2008. № 12. С. 77–86.
2. Ершов В. В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: монография. М.: РГУП, 2018. 628 с.
3. Кожокаръ И. П. Правовое регулирование: понятие и формы // Государство и право. 2020. № 12. С. 112–127.
4. Садиков О. Н. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам гражданского права // Журнал российского права. 2013. № 12. С. 20–32.
5. Судебная практика в советской правовой системе / под ред. С. Н. Братуся. М., 1975. 328 с.
6. Тарасов Н. Н. Механизм правового регулирования: становление понятия // Российский юридический журнал. 2020. № 5. С. 90–115.

References

1. Vlasenko N. A. [Legal positions: concepts and types]. *Zhurnal rossiyskogo prava [Journal of Russian Law]*, 2008, no. 12, pp. 77–86. (in Russ.)
2. Ershov V. V. *Pravovoe i individual'noe regulirovanie obshchestvennykh otnosheniy* [Legal and individual regulation of public relations]. Moscow, 2018, 628 p.
3. Kozhokar' I. P. [Legal regulation: concept and forms]. *Gosudarstvo i pravo [State and Law]*, 2020, no. 12, pp. 112–127. (in Russ.)
4. Sadikov O. N. [Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on issues of civil law]. *Zhurnal rossiyskogo prava [Journal of Russian Law]*, 2013, no. 12, pp. 20–32. (in Russ.)
5. Bratus S. N. *Sudebnaya praktika v sovetskoj pravovoy sisteme* [Judicial practice in the Soviet legal system]. Moscow, 1975, 328 p.
6. Tarasov N. N. [The mechanism of legal regulation: the formation of the concept]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal [Russian Law Journal]*, 2020, no. 5, pp. 90–115. (in Russ.)

Информация об авторе

Шайхутдинов Евгений Маратович, кандидат юридических наук, председатель Арбитражного суда Челябинской области, доцент кафедры предпринимательского, конкурентного и экологического права, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Россия.

Information about the author

Evgeny M. Shaikhutdinov, Candidate of Sciences (Law), Chairman of the Arbitration Court of the Chelyabinsk Region, Associate Professor of the Department of Business, Competition and Environmental Law, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia.

Поступила в редакцию 20 ноября 2023 г.
Received November 20, 2023.